
Елена
Неделько
ПЫШКА
ДЛЯ МИЛЛИАРДЕРА
18+
Отпуск в Италии

Елена Неделько

Пышка для миллиардера. Отпуск в Италии

https://litres.ru/74708749
SelfPub; 2026

Аннотация

Ей почти сорок, у неё лишний вес и пекарня на грани банкротства. В Италии она встречает миллиардера по имени Максим Воронцов. Он покупает ей платья, рушит её бизнес-планы и дарит сто одну розу. Но когда в Москве он исчезает, Алиса находит его жену.

Теперь разбитое сердце требует компенсации. Она блокирует его кредитки, выбрасывает сумку за миллион и улетает в Италию тратить ЕГО деньги.

Сможет ли циничный Макс вернуть свою булочку? Или месть подается холодной, а любовь... вообще не входит в смету?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 28
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Елена Неделько
Пышка для миллиардера. Отпуск в Италии

Глава 1

До сорока лет осталось двадцать девять дней. Часы тикают где-то прямо под левой грудью, в районе сжавшегося от липкого ужаса желудка.

В моей пекарне пахнет счастьем — горьким шоколадом, карамелизирующимся сахаром и свежим сливочным маслом. Для моих клиентов это аромат уюта. Для меня сегодня — запах панихиды по собственной молодости.

Я, Алиса Викторовна Сорокина, стою посреди своей крошечной авторской кондитерской «Счастье в граммах», вытираю руки о фартук и смотрю на витрину. Там выстроились идеальные ряды миндальных пирожных, пухлые булочки с корицей и мой фирменный лимонный тарт с меренгой, опаленной газовой горелкой до цвета предзакатного солнца. Мои пирожные выглядят безупречно. В отличие от женщины, которая их создала.

— Лисенок, ты чего застыла? Привидение увидела? —

окликает меня Лера, моя помощница. Ей двадцать два, она состоит из обезжиренного латте, вечной энергии и талии, которую можно обхватить двумя ладонями. На ней шорты, которые я бы использовала как чехол для телефона.

— Считаю убытки, — хрипло отвечаю я, отворачиваясь от зеркала над раковиной. Зеркало я ненавижу лютой ненавистью последние года три. Оно безжалостно показывает то, что камера смартфона еще милосердно сглаживает фильтрами. Полные предплечья, мягкий живот, который нависает над поясом джинсов, даже когда я втягиваю его изо всех сил, и шею, потерявшую четкий угол.

Сорок лет. Для женского лица и бизнеса в спальном районе Москвы это срок годности, после которого начинается плесень.

Звон колокольчика над входной дверью заставляет меня вздрогнуть. В кондитерскую входит Он. Не мужчина мечты, нет. Мой личный ночной кошмар последних шести месяцев — Игорь Борисович, представитель сети супермаркетов «Глобус-Маркет».

На нем костюм, который стоит больше, чем моя полугодовая аренда. Его туфли сияют так, что в них можно рассмотреть собственные расширенные от ужаса зрачки.

— Алиса, — он улыбается той самой корпоративной улыбкой, от которой скисает молоко. — Я же говорил, что загляну перед отпуском. Решение принято. Мы готовы забрать вашу сеть. Всю. Включая эту точку.

У меня внутри всё леденеет. Купить мою пекарню — мечту, ради которой я продала бабушкину квартиру и десять лет жила, считая каждую копейку — они хотят назвать это «партнерством». Но мы оба знаем: через месяц мои рецепты поставят на поток, заменив масло маргарином, а мое имя снимут с вывески.

— Игорь Борисович, мы это обсуждали, — мой голос звучит ровно, хотя пальцы сжимают край металлической столешницы так, что белеют костяшки. — Моя концепция не масштабируется.

— Ой, только давай без этой романтической чуши про душу ремесленника, — морщится он. — Тебе тридцать девять, Алиса. Одна тянешь этот малый бизнес. Арендодатели звереют, налоги душат. Через пару лет твои руки начнут дрожать, глазомер подведет, и ты просто закроешься. А я предлагаю тебе выход на пенсию с комфортом. Подумай о будущем.

Он бьет точно в цель. По возрасту. По моим самым темным страхам, которые накрывают меня бессонными ночами. Подумай о будущем. Как будто после сорока оно у меня вообще есть. Как будто кто-то захочет покупать круассаны у бабушки с поплывшим овалом лица.

— Спасибо, мне комфортно прямо сейчас, — выдавливаю я. — Ответ отрицательный.

Игорь Борисович тяжело вздыхает, кладет на прилавок

свою идеально гладкую визитку.

— Карточка активна до конца месяца. Потом предложение аннулируется. Иди подумай на солнышке, остынь. Выглядишь дерьмово, кстати. Морщины от недосыпа кремом не замазать.

Хлопает дверь. Идеальный лимонный тарт на витрине вдруг кажется мне кривым. Руки действительно начинают мелко дрожать.

— Лер, запри лавочку, — говорю я. — У нас санитарный день. Кажется, таракан пробежал. Прямо по моему сердцу.

Лера смотрит на меня круглыми глазами, но спорить не решается. Она знает: когда я начинаю шутить плоско и зло, значит, я на грани слез.

Как только за ней закрывается дверь подсобки, я достаю из-под кассовой стойки початую бутылку коньяка. Плевать, что всего полдень. Мне скоро исполняется сорок и я только что профукала шанс продать свой бизнес на пике. Или спасла себя от вечного рабства. Пока непонятно.

Я делаю глоток прямо из горла. Жидкость огненным шаром прокатывается вниз. Телефон на столе вибрирует. Сообщение от турагента:

«Добрый день! Напоминаю, ваша бронь на виллу подтверждается. Билеты во вторник. Страховка оформлена».

Одиночное плавание. Путешествие отчаявшейся стареющей бабы, чтобы напиться лимончелло и не видеть свое отражение в зеркале сорокового дня рождения. Я бронирова-

ла эту поездку в порыве пьяной жалости к себе месяц назад, вбухав туда все накопления.

Раньше я собиралась отменить бронь. Деньги нужны на закупку новой печки. Теперь, глядя на визитку Игоря Борисовича, я понимаю: плиту я куплю в кредит. А путевку отработаю до последней капли. Если жизнь решила списать меня в утиль, я устрою этому мусору пышные итальянские похороны.

Вторник встречает меня адским московским смогом. Шереметьево гудит растревоженным ульем. Я одета в свои лучшие льняные брюки оверсайз — единственная вещь, в которой я похожа на человека, а не на переполненный контейнер для еды навынос — и свободную рубашку. Никаких каблуков. Только кроссовки. Никакого макияжа. Кожа должна дышать перед погружением в Средиземное море.

Восемь часов полета, пересадка в Риме, и вот воздух меняется. Из пыльного и тяжелого он становится густым, соленым, пропитанным запахом сосновой смолы и цветущих растений

Амальфи. Дорога-серпантин, от которой сводит кишки. Белые домики, цепляющиеся за скалы. И жара. Липкая, благословенная, июльская жара, которая сразу приклеивает одежду к телу, лишая меня единственного преимущества оверсайза — возможности прятаться.

Моя вилла оказывается чуть скромнее, чем на картинках

— узкая каменная башенка, прилепленная к горе, зато с собственным балконом размером с носовой платок. Но вид открывается такой, что больно глазам. Синее-синее море внизу кипит белой пеной.

Я бросаю рюкзак на кровать, стягиваю влажную от пота рубашку и остаюсь в одном хлопковом лифчике и брюках. Подхожу к мутноватому зеркалу в ванной.

Вот она. Королева вечера. Растрепанная, бледная северянка с кожей цвета вареного рака (первые полчаса на солнце — всегда приговор), тяжелая грудь, мягкая широкая складка на животе.

— Ну что, старая калоша, добро пожаловать в последний вагон, — говорю я своему отражению. — С днем рождения тебя, дура. Еще пара недель, и здравствуй, кризис среднего возраста со справкой.

Я спускаюсь в городок ближе к вечеру, когда солнце перестает жарить асфальт. Цель номер один — еда. Цель номер два — купить местное вино и умереть от переедания на своем микроскопическом балконе.

Узкие улочки забиты людьми. Я протискиваюсь сквозь толпу туристов, стараясь занимать как можно меньше места — привычка всей жизни. Втягиваю живот, прижимаю локти к бокам.

Очередь за лучшей во всей Италии джелато тянется от самой лавки. Я встаю в хвост, предвкушая вкус фисташкового мороженого. Передо мной какая-то шумная американская

семья с тремя детьми. За мной никого.

Наконец очередь доходит до меня. Старик в белом колпаке устало улыбается.

— Buona sera. Che gusto?

Я лезу в сумку, доставая кошелек.

И тут пространство надо мной заканчивается.

Кто-то огромный, горячий и твердый, как гранитная плита, просто шагает мимо очереди, бесцеремонно раздвигая американских детей, останавливается прямо передо мной и говорит бархатным, прокуренным голосом с легкой московской хрипотцой:

— Два больших рожка. Фисташка и манго-чили. Быстро.

От него пахнет дорогим табаком, морским ветром и чем-то неуловимо опасным, от чего волоски на моих руках встают дыбом, несмотря на жару.

Я поднимаю глаза.

Первое, что я вижу — часы на загорелом запястье. Циферблат утопает в массивном золотом корпусе. Второе — воротничок ослепительно-белой рубашки, небрежно расстегнутый на мощной шее. Третье — лицо. Резкое, выбритое до синевы, с тяжелой линией челюсти и взглядом человека, который привык, что мир прогибается под его вдохи. Лет сорок пять. Может, чуть больше.

Он даже не смотрит на меня. Он смотрит на телефон, быстро печатая сообщение. Очередь позади возмущенно гудит, американка открывает рот, чтобы возмутиться, но сло-

ва застревают у нее в горле. От этого мужчины исходит такая волна непререкаемой власти, что перечить ему физически невозможно. Это не статус туриста. Это статус хозяина жизни.

Старик суетливо начинает набивать рожки.

Мужчина наконец переводит взгляд на меня. Скользит им сверху вниз — по моим влажным волосам, собранным в небрежный пучок на макушке, по открытой ключице, по груди, натянувшей тонкую ткань лифчика, задерживается на моем животе, упакованном в лен, опускается ниже.

Это не мужской оценивающий взгляд. Так хищник оценивает кусок мяса на прилавке — свежий или уже пора списывать. Абсолютно потребительский, холодный интерес.

Его губы изгибаются в усмешке. Медленной, уверенной усмешке человека, который знает цену всему на свете, включая женщин размера XXXL в чужой стране.

— Торопишься занять место в холодильнике, милая? — тихо произносит он по-русски, нисколько не смущаясь толпы вокруг. — Здесь слишком жарко, чтобы носить столько лишнего веса. Расплавишься.

Воздух резко выходит из моих легких. Кровь ударяет в голову — не от стыда, а от чистой, первобытной ярости.

Эта фраза бьет сильнее, чем кулак Игоря Борисовича. Тот предлагал деньги за мою душу. Этот — просто проходя, мимо плюнул в лицо, оценив мою стоимость в ноль целых, ноль десятых.

Толстая. Старая. Бесполезная.

Я медленно отставляю ногу вперед, перенося вес на бедро. Кладу руку на деревянную стойку, наклоняясь к нему чуть ближе, чем позволяют приличия. Пусть почувствует запах моего дешевого гостиничного мыла и базилика с соседнего куста. Пусть увидит вблизи сеточку морщин вокруг глаз.

— Знаешь, дружочек, — шепчу я, вкладывая в голос всю сладость своего лучшего ванильного крема. — Когда женщине скоро исполнится сорок, она обычно перестает переваривать чужое говно. Особенно бесплатно. Плати за свои рожки и иди охлаждайся в море. Говорят, вода отлично принимает крупногабаритный мусор.

Воцаряется звенящая тишина. Даже американцы затихают. Старик роняет ложку.

Мужчина моргает. Впервые за весь вечер в его глазах мелькает что-то похожее на удивление. Никто — совершенно никто — не разговаривает с ним в таком тоне. Люди вроде него покупают острова, футбольные клубы и совесть политиков. Они не получают язвительных комментариев от уставших теток в льняных балахонах.

Он медленно переводит взгляд с моего лица на свою руку, достает из кармана шелковых брюк черный кожаный бумажник, вынимает оттуда купюру и просто швыряет ее на стойку поверх своих рожков.

— Сдачи не нужно, — говорит он спокойно. — Купи себе

антиперспирант. И зеркало поменяй.

Он берет свои рожки, делает шаг в сторону, задевая меня плечом — намеренно, тяжело, утверждая территорию — и уходит вверх по улице в сторону частной пристани, откуда каждые пять минут отходят катера к закрытым пляжам.

Стоящий рядом старый итальянец-торговец сочувственно цокает языком и качает головой, глядя вслед мужчине.

Я смотрю на брошенные им пятьсот евро.

Сердце колотится где-то в горле. Руки дрожат уже не от страха перед возрастом, а от чистого адреналина. Этот ублюдок только что купил билет на американские горки моего кризиса среднего возраста. Я перевожу взгляд на свои рожки с фисташковым мороженым, которое уже начало таять от жары. Беру салфетку, решительно вытираю каплю, скатившуюся по вафле, и отправляю первую ложку в рот.

Сладко. До одури вкусно.

— Приятного аппетита, синьора, — осторожно кашляет старик. — Ваш… счет оплачен.

— Засунь эти деньги ему обратно в трусы, папаша, — говорю я, слизывая фисташковую крошку с губ. — И пусть готовится. Завтра утром я буду учиться нырять со скал. Надеюсь, акулы здесь ценят выдержанное мясо.

Я разворачиваюсь и ухожу, чувствуя спиной чей-то потрясенный взгляд. На ватных ногах поднимаюсь по крутой лестнице к своей вилле. Захожу на балкон. Закат окрашивает

небо в цвет моего любимого брусничного джема. Мне тридцать девять лет. У меня лишний вес, долги за печь и характер старой торговки.

Но впервые за долгие годы я чувствую себя голодной. И дело совсем не в мороженом.

Глава 2

Я делаю большой глоток вина прямо из горла. Местное розовое бьет в голову мгновенно, но мне плевать. На маленьком пластиковом столике разложена моя личная месть системе: кусок пармезана, от которого пахнет старым погребом, тарелка крупных оливок, тонко нарезанная салями и багет с хрустящей корочкой.

Солнце давно утонуло в море, оставив после себя темно-синее небо. Внизу, у подножия скалы, мерцают огни домов, прилепленных друг к другу как ракушки на днище лодки. Пахнет солью, хвоей и жареной рыбой. Идеальный вечер женщины, которая только что послала весь мир к черту. Я даже почти простила того ледяного ублюдка с мороженым — подумаешь, какой-то мажор попытался испортить мне день. Плевать!

Первый удар раздается ровно в тот момент, когда я тянусь за самой крупной оливкой.

Бум-м-м!

Звук такой, словно кто-то швырнул бетонную плиту на кафельный пол. Мой пластиковый бокал жалобно дребезжит.

Я замираю с открытым ртом.

Через десять секунд — снова. Бум-м-м! Дзынь! Что-то стеклянное разбивается вдребезги. И следом — громкий, раскатистый русский мат.

— Да чтоб тебя! Херня деревянная! Какого черта ты не влезаешь?!

Голос идет снизу. Точнее, откуда-то из-под моих ног. Учитывая архитектуру этого ласточкиного гнезда, где балконы нависают друг над другом, «снизу» означает квартиру точно под моей башенкой.

Бум-м-м!

Мое прекрасное, пьяное, меланхоличное настроение испаряется быстрее пролитого вина. У меня был тяжелый день. Меня унизили перед американцами. Я сбежала от реальности на другой конец света. И сейчас я хочу слушать только пение птиц и жевать сыр, а не играть в частного детектива. Но этот грохот пробивает даже двойной стеклопакет моего балкона.

Чертыхаясь, я ставлю бутылку на столик. Скидываю легкие плетеные шлепанцы и босиком начинаю спускаться по крутой внешней лестнице, соединяющей уровни виллы. Каменные отекшие ступени еще хранят дневной жар.

Дверь квартиры этажом ниже приоткрыта. Оттуда льется резкий свет люстры и несет холодом — видимо, кондиционер работает на полную мощность. Я стучу костяшками пальцев по косяку, стараясь звучать вежливо, хотя внутри всё кипит.

— Эй! Извините! Вы не могли бы…

Фразу я не заканчиваю. Потому что застываю на пороге.

Он стоит посреди гостиной в одних низко сидящих спортивных шортах. Торс обнажен. И это не просто торс. Это анатомический атлас, высеченный из темного камня. Широкая грудная клетка, кубики пресса, которые не нарисованы светом, а действительно там есть, литые плечи и руки. Он огромный. Не толстый, нет — именно массивный, пугающе сильный.

А теперь самое интересное. Этот образец мужского глянца пытается запихнуть в дверной проем антикварный дубовый комод. Резной, неподъемный, явно вытащенный им из чьей-то спальни. Комод упирается ножками в порог и категорически отказывается входить.

Мужчина отступает на шаг, тяжело дыша. Капля пота скатывается по его рельефному животу прямо в пояс шорт. Он поворачивает голову, замечает меня, и его лицо — то самое лицо холодного хищника из очереди за мороженным — искажается. Узнавание вспыхивает в глазах, сменяясь глухим раздражением.

— Опять вы? — говорит он вместо «здрасьте». Голос звучит еще глубже, заполняя всю комнату. — Фея-крестная местного хамства? Пришла проконтролировать мой бюджет?

От его наглости у меня перехватывает дыхание. То есть днем он оскорбляет незнакомую женщину за лишний вес, а вечером удивляется, что она помнит его рожу?

— Вообще-то, фея пришла попросить вас перестать ломать историческое здание, козлина, — ядовито выплевываю.

— Если вам так приспичило двигать мебель в полночь, может, стоило купить отель целиком, а не снимать каморку подо мной? Или на вашей кредитке хватает денег только на мороженое?

Его губы сжимаются в тонкую линию. Он опирается рукой о стену рядом со мной. Я физически чувствую исходящий от него жар. Приходится задрать подбородок, чтобы смотреть ему в глаза — он выше меня головы на полторы.

— Послушай, пампушка, — цедит он, и от этого слова мышцы на моем животе непроизвольно сокращаются. — Я купил билет сюда за цену твоей московской квартиры. Я заплатил за право спать, жрать и передвигать шкафы тогда, когда мне вздумается. Хочешь тишины — купи беруши. Хочешь учить меня жизни — спустись еще на пару ступеней вниз, там отличный каменистый пляж. Лететь будешь долго, как раз успеешь похудеть.

Воздух становится густым и тяжелым, как сироп. Меня бросает в жар, который не имеет ничего общего с летней ночью. Это чистая, неразбавленная ярость, смешанная с чем-то темным и опасным внизу живота. Как он смеет? Второй раз за сутки. Сначала жирная, теперь пампушка.

— Знаешь, что отличает меня от твоего идеального пресса? — шепчу я, делая шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. Ему приходится чуть отстраниться, чтобы не прижать меня к стене своим горячим телом. — Меня нельзя

купить за деньги. А твой пресс можно накрыть одной купюрой. Так что засунь свой комод знаешь куда? И рот заодно прополощи. От тебя воняет дешевыми понтами.

Я разворачиваюсь на пятках, чувствуя, как горят уши. Внутри трясутся колени — то ли от злости, то ли от адреналина.

— Стерва, — доносится мне в спину его спокойный, убийственно-ласковый голос.

— Козел позолоченный! — кричу я уже с лестницы, не оборачиваясь.

Взлетаю обратно на свой балкон. Руки дрожат так сильно, что я едва попадаю ключом в замок своей двери. Захлопываю её за собой и приваливаюсь спиной к дереву. Сердце колотится где-то в горле.

Вино в бутылке безнадежно согрелось. Сыр заветрен. Оливки больше не кажутся деликатесом — они кажутся закуской к моему провалу.

Этот гад умудрился испортить мне даже идеальный побег от реальности. Мало того, что он богатая высокомерная скотина, он еще и живет прямо подо мной. В доме три жилых этажа. Шанс один к трем. Италия оказалась слишком тесной для нас двоих.

Я беру недопитую бутылку, возвращаюсь на балкон и смотрю вниз, на его террасу. Свет там погас. Комод так и остался торчать из двери под странным углом, похожий на выброшенный на берег корабль. Самого хозяина жизни ни-

где не видно.

Допиваю теплое вино прямо из горла, сажусь в старое плетеное кресло и пытаюсь успокоить пульс.

Ненавижу. Ненавижу этих самодовольных кобелей, которые думают, что если у них есть деньги и шесть кубиков пресса, им позволено всё.

Проблема лишь в том, что пока я ненавидела его пресс, мои глаза почему-то очень четко запомнили каплю пота, скатившуюся по его животу. И то, как натянулась кожа на его спине, когда он толкал комод.

Чертова Италия. Чертовы гормоны. И чертов этот засранец, которому завтра утром случайно упадет цветочный горшок на кондиционер. Прямо с моего балкона. Исключительно из-за порыва ветра, разумеется.

Глава 3

Ненависть — штука энергозатратная. Особенно в плюсайз формате. К трем часам ночи, после того как я допила бутылку теплого розе прямо из горла и мысленно сбросила на его кондиционер еще и фикус Леры (который вообще-то остался в Москве), адреналин схлынул. Осталась только тупая обида и желание сожрать что-нибудь углеводное.

Но холодильник моего номера был девственно чист, если не считать одинокого лимона и пачки спагетти. Спать невозможно — снизу периодически доносилось глухое рычание вперемешку со скрежетом дерева о камень. Там еще велась война с комодом.

К черту диету. К черту гордость. Если гора не идет к Магомеду, а хам лезет ко мне под балкон, значит, Магомеду нужно сходить за сыром.

Утро здесь начинается рано. В шесть тридцать меня будит колокольный звон местной церквушки и запах свежего хлеба. Я выползаю на балкон. Воздух прохладный, пахнет мокрым камнем и морем. Внизу тишина. Ни комода, ни хриплого мата. На его террасе стоит пустая бутылка из-под вина и две кофейные чашки. Значит, у него была компания? Или он просто пьет кофе сразу с нескольких чашек?

Решаю нанести удар по хорошему настроению этого Терминатора. Война войной, а завтрак по расписанию.

Спускаюсь в город. Узкие улочки уже гудят: торговцы раскладывают рыбу, женщины спорят из-за пучков базилика. Я иду в своей любимой униформе — свободных льняных штанах цвета пыльной розы и белой майке, которая абсолютно ничего не скрывает, но потрясающе пропускает воздух. Моя философия проста: если кому-то не нравится моя колышущаяся при ходьбе грудь — пусть закроет глаза.

Очередь. Я занимаю место за сухонькой американской старушкой. Через пять минут передо мной остается один человек — высокая блондинка с ногами от ушей, одетая в крошечный шелковый халатик-парео. Она поворачивается, чтобы взять бумажный пакет, и я узнаю ее. Это та самая американка из очереди за мороженным. Рядом с ней крутится девочка лет пяти.

— О, привет! — радостно улыбается она мне, говоря на ломанном русском, словно мы старые подруги по несчастью. — Вы же тоже были там? У этого жуткого русского. Он купил все фисташковое мороженое в радиусе километра!

Я выдавливаю вежливую улыбку. Обсуждать этого амбала с посторонними людьми кажется странным, будто выносить сор из чужой итальянской избы.

— Да, было дело.

— Боже, какой мудак, — доверительно шепчет она, наклоняясь ко мне. Огромные солнцезащитные очки съезжают ей на нос. — Простите мой французский. Мы живем через стенку от него. Он снял весь верхний пентхаус. Мой муж го-

ворит, что этот парень купил остров Капри просто потому, что ему лень было ждать паром. Но ведет себя так, будто живет в Бутово. Всю ночь двигал мебель! Бедный Марко чуть инфаркт не словил…

Значит, пентхаус. Весь верхний. Ну конечно. Зачем брать комнату, если можно купить этаж?

Забрав свой хлеб и два свежих круассана с кремом (один съем сейчас, второй возьму на пляж, это будет мой личный акт протеста против кубиков пресса), я решаю зайти на рынок. Мне нужен сыр. Много сыра. И оливки. И помидоры, пахнущие летом.

Я стою возле лотка с выдержанными сырами, пытаясь жестами объяснить усатому синьору, что мне нужно «немного вон той горгонзоллы, нет, вот этой, синей-синяя, как глаза моего разочарования».

И тут над моим ухом раздается до боли знакомый голос:

— Три куска пекорино. Самого старого. Нож давай сюда, ты режешь слишком толсто.

Усатый синьор безропотно протягивает ножищу размером с мачете мужчине, который встал вплотную за моей спиной. И он даже не пытается соблюдать дистанцию. От него пахнет дорогим парфюмом и едва уловимым запахом мазей для мышц. Видимо, комод ночью победил.

Он одет в свободные льняные брюки с низкой посадкой и расстегнутую рубашку. Солнце золотит волосы на его груди.

Проклятье, ну почему эволюция дала пресс именно тем, кто использует его исключительно для запугивания пышнотелых пекарей?

— Синьора стояла первой, — робко замечает продавец.

— Синьора медитирует над плесенью уже десять минут, — отрезает он, игнорируя меня. — У меня встреча на яхте в девять. Шевелись.

Медовая бомба замедленного действия взрывается где-то в районе моего солнечного сплетения. Десять минут? Я выбирала сыр полминуты!

Я медленно поворачиваюсь. Кладу тяжелый бумажный пакет с хлебом на прилавок. Звук получается очень весомым.

— Твоя встреча может подождать. Сыр выбирает женщина. Это закон природы, такой же непреложный, как твоя потребность покупать людей. — Я беру с соседнего лотка маленькую перченую оливку и демонстративно отправляю ее в рот. — Очень бодрит с утра. Помогает переваривать чужую наглость.

Его ноздри слегка раздуваются. Взгляд падает на мою майку, затем ниже, на то, как ткань штанов натянулась на бедре, когда я оперлась о прилавок. Он сглатывает. Впервые за наше знакомство ледяной панцирь дает трещину. Похоже, утренний голод делает его уязвимым.

— Слушай внимательно, пампушка, — он подается вперед, опираясь руками о прилавок по обе стороны от меня. Теперь я зажата между ним и горой пармезана. Народу во-

круг внезапно становится много, они обходят нас широким полукругом, делая вид, что страсть к итальянским деликатесам иногда принимает форму гладиаторских боев. — Ты живешь надо мной. Я живу под тобой. Италия маленькая. Если ты думаешь, что сможешь портить мне жизнь своими гирляндами из чеснока, громким пением в душе и швырянием горшков — ты сильно ошибаешься. Я умею выживать конкурентов. Любых.

— А я умею печь эклеры, от которых растут бока, — сладко улыбаюсь я. — Хочешь проверить, чей талант окажется полезнее для кармы? Могу принести тебе утешительный пирог. Судя по твоему лицу, ночной разговор с мебелью прошел не в твою пользу.

Он замирает. Его темные глаза опасно сужаются, сканируя мое лицо. Он ищет слезы, злость, смущение. Любой признак слабости. Но находит лишь веселый вызов и крошки круасана в уголке моего рта.

Он вдруг усмехается. Не зло, а как-то… удивленно. Будто увидел говорящую собаку.

— Смелая, — констатирует он. — Думаешь, твои булочки спасут тебя от выселения?

— Мои булочки кого угодно спасут от депрессии, — парирую я. — Кстати, твой ребенок внизу плачет. Кажется, уронила мороженое. Родительские навыки соответствуют навыкам общения с женщинами? Хотя о чем я, судя по количеству разбитой посуды ночью, единственный, кто получает

удовольствие от твоего характера — это твой правый кулак.

Это удар ниже пояса. Про ребенка я ляпнула наобум, просто чтобы посмотреть на реакцию.

Лицо каменеет. Он резко выпрямляется, забирая пространство обратно.

— У меня нет детей, — чеканит он. Голос снова становится стальным. — Продавец. Заверни ей сыр. Бесплатно.

Он бросает на прилавок несколько крупных купюр, разворачивается и уходит сквозь толпу широкими шагами. Рубашка развевается на ветру, открывая крепкую спину. Толпа почтительно расступается.

Усатый синьор смотрит на деньги, потом на меня, крестится и начинает резать мне лучший кусок, качая головой и что-то бормоча на итальянском.

— Еще бы, — вздыхаю я, принимая пакеты. — Красивые всегда самые невыносимые.

Я поднимаюсь обратно в свою башенку. Настроение парадоксально отличное. Зубы сводит от соленой и перченой оливки, солнце припекает макушку, а в кармане штанов лежит визитка Игоря Борисовича.

Достаю телефон, делаю селфи на фоне залива: растрепанная, счастливая, с кусочком сыра в руке. И отправляю фото в рабочий чат пекарни Лере.

Надпись к фото: «Наш новый инвестор. Ведет переговоры жестко, торгуется плохо, жрет мой сыр бесплатно. Кажется, придется выходить за него замуж, чтобы вернуть стоимость

закваски».

Ответ прилетает мгновенно: «Шеф, вы пьяная? Какой инвестор?! Там Аполлон!»

«Лерочка, запомни: боги спускались с Олимпа только чтобы испортить жизнь простым смертным. Я должна проследить, чтобы он не скупил всю нашу соль. Иначе суперклей вместо теста нам обеспечен».

Я откусываю хлеб. Где-то далеко внизу, на частной пристани, заводится мотор дорогой яхты. Пусть забирает свое фисташковое мороженое. Комод и мой желудок объявили ему холодную войну. И угадайте, у кого запасы провизии больше?

Глава 4

Солнце в Италии — это отдельный вид роскоши. Оно не просто светит, оно обнимает. Я лежу на шезлонге прямо у кромки воды, и мои ноги омывает прозрачная, как слеза младенца, волна. На носу — солнцезащитные очки в пол-лица, на коленях — потрепанный томик «Гордости и предубеждения», а во рту — долька лимона, которую я украла со своего же стакана с ледяным лимончелло.

Жизнь удалась бы совсем идеально, если бы не звуковое сопровождение.

Прямо по курсу, метрах в двадцати от меня, развернулась локальная драма под названием «Богатые тоже скачут». Мой дорогой сосед снизу решил поиграть в волейбол. Противником выступала высокая брюнетка, состоящая исключительно из длинных ног, острых локтей и надменного взгляда. Она двигалась по песку с грацией испуганной цапли, зато визжала так, что чайки разлетались в ужасе.

Он был хорош. Даже слишком. Влажная кожа блестела на солнце, мышцы перекатывались при каждом броске. Он играл вполсилы, явно развлекаясь за счет неуклюжести своей спутницы.

Я перевернула страницу, глубоко вздохнула и тут случилось неизбежное.

Пушечный удар справа. Мяч летит. Брюнетка делает неле-

пый выпад, спотыкается о собственную тень, и волейбольный снаряд меняет траекторию. Прямо в меня.

Время замедляется. Я вижу желтый мяч, потом свой стакан, где кубики льда уже начали таять… Удар! Брызги холодного лимонада веером разлетаются по моему животу, груди и любимой книге.

— Твою ж мать! Какого черта?! — вырывается у меня громкое и очень московское.

Игра мгновенно останавливается. Брюнетка замирает с открытым ртом. А сосед срывается с места. Он бежит ко мне через горячий песок — огромный, быстрый, виноватый. И эта смесь агрессии и раскаяния выглядит настолько дико, что я забываю злиться.

Он нависает надо мной, заслоняя солнце. Без футболки, босиком, пахнущий солью и потом.

— Пампушка, ты в порядке? Прости ради бога. Марика слепая, как крот, ей нельзя давать предметы тяжелее кредитной карты.

Марика фыркает где-то позади:

— Макс, мы договаривались называть меня Моникой! Это более по-европейски!

Макс даже не поворачивает головы. Его взгляд прикован к моей мокрой майке. Секундное замешательство в его глазах сменяется чем-то похожим на стыд.

— Дай полотенце, — бросает он брюнетке.

— Еще чего! — взвивается та. — Я только что намаза-

лась маслом за тысячу евро! Если я подойду к этой… я стану жирной!

Это становится последней каплей. Макс медленно переводит взгляд с нее на меня. Потом обратно. Выражение его лица меняется кардинально. Теперь там нет ни капли вчерашнего высокомерия. Только чистая, незамутненная ярость собственника.

— Убирайся, — говорит он тихо, но так, что песок, кажется, скрипит. — Ключи оставишь на ресепшене. Немедленно.

— Что?! Из-за этой булочки?! — верещит девица.

Макс делает шаг к ней. Мне даже страшно становится за ее длинные ноги — кажется, сейчас он их просто вырвет.

— Во-первых, — чеканит он, глядя на бывшую пассию сверху вниз, — никогда. Не смей. Оскорблять. Женщину. Во-вторых, ты, кажется, перепутала Италию с эскорт агентством. Свободна.

Брюнетка открывает рот, закрывает, понимает, что аргументы закончились вместе с деньгами Макса, хватает свою дизайнерскую сумку и гордо удаляется, виляя бедрами перед пустыми шезлонгами.

Наступает тишина. Только шум волн и мое бешено колотящееся сердце.

Макс тяжело вздыхает, берет пляжное полотенце со стула той самой Моники и подходит ко мне. Садится на корточки рядом с моим шезлонгом. Так близко, что я чувствую жар его тела.

— Дай я вытру, — хрипло говорит он.

Прежде чем я успеваю возразить он начинает аккуратно промакивать мою грудь и живот мягким махровым полотенцем. Движения медленные, почти благоговейные. От этого контраста — грубого мужского голоса и нежных касаний ткани к коже — у меня подгибаются пальцы на ногах.

— Спасибо, — сиплю я, когда он заканчивает. Книга спасена, я — слегка смущена, но абсолютно суха. — Очень рыцарский поступок. Особенно часть про оскорбление женщин и про увольнение модели средь бела дня. Боишься конкуренции?

Уголок его рта дергается вверх.

— Боюсь инфаркта. Знаешь, сколько стоит кардиолог здесь? Проще завести нормальную женщину. Которая умеет ругаться матом и любит хлеб.

Он смотрит на мою книгу, лежащую на животе.

— Джейн Остин? Серьезно? Женщина, которая строила замки из намеков, лежит здесь со стаканом лимончелло.

— Намеки плохо усваиваются без витамина С, — парирую я. — К тому же, мистер Дарси хотя бы умел извиняться, не пытаясь купить имение обидчика.

Мы смотрим друг на друга. Солнце припекает макушки. Между нами искрит напряжение такой силы, что можно заряжать телефоны всей Италии.

Внезапно его желудок издает низкий, утробный рык. Голодный звук первобытного самца.

Макс смущенно кашляет.

— Кажется, стресс сжег все калории, которые я планировал накопить до обеда.

— Это карма, — улыбаюсь я. — Вселенная наказывает тебя.

— Как думаешь, вселенная сильно расстроится, если я приглашу одну очень дерзкую пампушку на пиццу? — он подается чуть ближе. — Тут за пляжем есть место. Деревянные столы стоят прямо на песке. Там делают пиццу, от которой можно продать душу.

Я делаю вид, что задумываюсь. Хотя внутри всё кричит «Да!».

— Звучит как взятка должностному лицу.

— Это инвестиция, — поправляет он. — В собственное спокойствие. Чтобы ты не сбросила мне на голову холодильник ночью.

***

Ресторанчик оказывается именно таким, как в кино: потертые скатерти в красную клетку, официант, который знает всех по именам, и оглушительный запах специй.

Мы сидим за столиком в двух шагах от прибоя. Передо мной огромная тарелка пиццы «Маргариты», пузырящейся сыром. Перед ним такая же. И бутылка холодного розового вина.

— Значит, Макс, хм... — я запускаю рот первый кусок

пиццы.

— Ешь, — командует он, подкладывая мне в тарелку ещё кусок. — Тебе нужны силы. Ночью придется ловить еще один комод.

— Я предпочитаю спать, — говорю я с набитым ртом. Господи, какая же это божественная пицца. — Но если твой комод будет приставать, я рассмотрю варианты.

Макс смеется. По-настоящему, запрокинув голову. И этот смех снимает с него последние сто слоев брони. Сейчас он не миллиардер. Просто мужчина с хорошим аппетитом.

— Знаешь, что самое забавное? — говорит он, протягивая руку и стирая пальцем крошку сыра в уголке моих губ. Касание обжигает. — Я вчера смотрел на тебя и видел вес. Возраст. Сложный характер.

Его палец задерживается на моей нижней губе дольше необходимого.

— А сегодня я смотрю на тебя и думаю только о том, как быстро бьется жилка вот здесь, на шее. Когда ты ешь эту пиццу.

Моя рука с куском пиццы замирает в воздухе.

— То есть эволюция твоего вкуса на женщин произошла за сутки? Рекорд Гиннесса.

— Нет, — он качает головой, не отрывая от меня томного, тяжелого взгляда. — Эволюции не было. Был самообман. Я всю жизнь гонялся за этими вешалками. Высокие, звонкие, пустые. С ними удобно ходить по красным дорожкам, они

влезают в любое платье. Но с ними невозможно жить. Они ломаются от первого же серьезного ветра.

Он берет бутылку и доливает мне вино.

— А ты… — он наклоняется через стол, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. — Ты сделана из другого теста. Буквально. Ты теплая. Настоящая. Когда ты вошла на рынок сегодня утром, вся такая мягкая, в этом бесформенном балахоне, и начала торговаться за сыр как заправская итальянская мамаша, я понял, что пропал. Меня тянет к тебе так, как должно тянуть мужчину к женщине. К мягкой, вкусной, живой женщине.

Он берет мою свободную руку, переворачивает ладонью вверх и ведет большим пальцем по линиям.

— Полненькая, — шепчет он, словно пробуя слово на вкус. — Какое же дурацкое слово. Ты не полненькая, Алиса. Ты округлая. Мягкая. Идеальная. Почему я раньше этого не видел?

Язык отказывается слушаться. Вино ударило в голову, пицца — в желудок, а его голос — прямиком в трусики. И откуда он узнал моё имя?

— Потому что ты козлина, — ляпаю я первое, что приходит в голову, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Козлины редко смотрят дальше собственного эго.

— Исправлюсь, — обещает он серьезно.

Вечереет стремительно. Закат размазывает золото по во-

де. Мы идем обратно в гору к нашей вилле. Медленно. Подстраиваясь под шаги друг друга. Наши плечи иногда соприкасаются. Каждый раз от этого случайного касания по коже бегут мурашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.